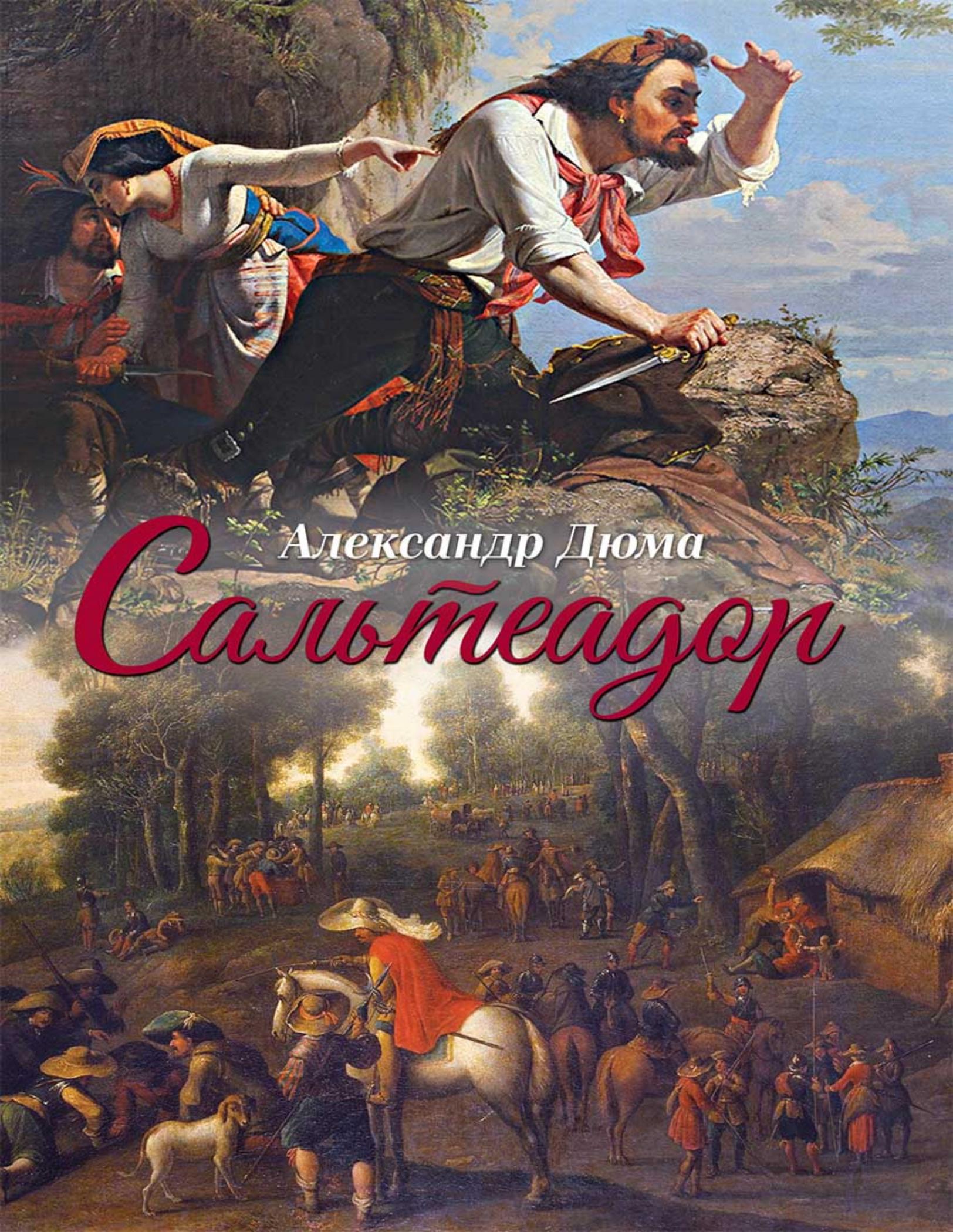

Сальтеадор

Испания, начало XVI века. Его настоящее имя давно забыто, как и благородное происхождение. Он — Сальтеадор, предводитель разбойников и гроза всей Испании. Лишь одна его тень наводит ужас. Но так было не всегда. Когда-то его звали Фернандо. Но почему сын благородного сеньора встал на тропу разбоя, восстав против закона и обычаев? Король жаждет поймать Сальтеадора и приговорить к смерти. И лишь любящее сердце способно спасти его от гибели. Сердце, что хранит тайну прошлого святого и грешника Сальтеадора...

Александр Дюма

Сальтэадор

Александр Дюма

Сальтэадорі

Роман

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

ISBN 978-617-12-7890-5 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод Анны Худадовой

Дизайнер обложки Георгий Крюченко

В оформлении обложки использованы фрагменты картин Питера Снайерса «Привал
всадников в лесу», XVII в. и О. И. Тимашевского «Разбойники», 1857 г.

Электронная версия создана по изданию:

Испания, початок XVI століття.

Його справжнє ім'я давно забуте, як і шляхетне походження. Він — Сальтеадор, ватажок розбійників і погроза для всієї Іспанії. Одна його тінь наводить жах. Але так було не завжди. Колись його звали Фернандо. Чому ж син шляхетного сеньйора обрав шлях розбою, повставши проти закону та звичаїв? Король жадає стратити Сальтеадора. І тільки серце, що палко кохає, здатне врятувати його від загибелі. Серце, що зберігає таємницю минулого грішника Сальтеадора...

Дюма А.

Д96 Сальтеадор : роман / Александр Дюма ; пер. А. Худадовой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 320 с.

ISBN 978-617-12-7646-8

Испания, начало XVI века.

Его настоящее имя давно забыто, как и благородное происхождение. Он — Сальтеадор, предводитель разбойников и гроза всей Испании. Лишь одна его тень наводит ужас. Но так было не всегда. Когда-то его звали Фернандо. Почему же сын благородного сеньора встал на тропу разбоя, восстав против закона и обычаев? Король жаждет поймать Сальтеадора и приговорить к смерти. И только любящее сердце способно спасти его от гибели. Сердце, что хранит тайну прошлого грешника Сальтеадора...

УДК 821.133.1

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

Сьерра-Невада

Среди горных цепей, избороздивших Испанию от края до края, от Бильбао до Гибралтара и от Аликанте до мыса Финистерре, бесспорно, самая поэтическая и по своему причудливому очертанию, и по историческим преданиям — Сьерра-Невада: она как бы продолжает Сьерру-де-Гуаро и отделена от нее лишь живописной долиной, где берет начало один из истоков Орхивы, небольшой реки, низвергающейся в море между Альмуньекаром и Мотрилем.

Еще и поныне арабский дух там жив во всем — в нравах, в одежде, в названиях городов, в памятниках и пейзажах, хотя вот уже два с половиной столетия миновало с тех пор, как мавры покинули королевство Альмохадов.

Надо сказать, что страна эта для сынов Пророка, завладевших ею вследствие предательства графа Хулиана, была землей обетованной. Андалусия, расположенная между Африкой и Европой, так сказать, край срединный: она наделена богатствами одной и красотами другой, но лишена их мучительно-неприятных особенностей — тут растительность, пышную, как в Митидже, орошают прохладные воды Пиренеев, тут нет ни испепеляющего зноя Туниса, ни жестоких морозов России. Привет тебе, Андалусия, сестра Сицилии, соперница Счастливых островов!

Живите, любите и умирайте беззаботно, будто вы в Неаполе, если вам повезло и вы обитатель Севильи, Гранады, Малаги!

Кстати, в Тунисе мне довелось встретить мавров, показывавших мне ключ от их дома в Гранаде.

Ключ перешел к ним от предков, а они намеревались завещать его своим потомкам. И если когда-нибудь их дети вернуться в город Абн-аль-Хамара, они найдут улицу и дом, где жили их предки, и увидят: за двести сорок четыре года (с 1610-го по 1854-й) там почти ничего не изменилось, если не считать, что многолюдное, полумиллионное население сократилось до восьмидесяти тысяч душ и заветный ключ

откроет двери, по всей вероятности, пустого дома или же дома, в котором нерадивые преемники даже не потрудились переменить замок.

И в самом деле, ничего испанского не выросло на той земле, где пальмы, кактусы и алоэ — самая естественная растительность; да, ровно ничего, даже дворец, что начали возводить по повелению благочестивого Карла V, не пожелавшего жить в обиталище эмиров и халифов, но над дворцом высится Альгамбра, а он так и не поднялся выше второго этажа под насмешливым взором своей соперницы.

Итак, Гранадское королевство — чудесная сокровищница искусства и цивилизации (их уровня никогда не достичь его нынешним обитателям), последний осколок и последний оплот арабской империи в Испании, — красовалось на побережье Средиземного моря и тянулось от Тарифы до Альмасаррона на протяжении приблизительно ста двадцати пяти лье и на тридцать пять — сорок лье вдавалось в глубь страны — от Мотриля до Хаэна.

Сьерра-де-Гуаро и Сьерра-Невада пересекают две трети этих земель.

С вершины Муласена — самого высокого пика горной цепи — можно сразу охватить взглядом рубежи этого края.

На юге Средиземное море обширным синим покрывалом протянулось от Альмуньекара до Алжира; на севере плодородная долина Гранады огромным зеленым ковром раскинулась от Уэльмы до Вента-де-Карденья.

А на востоке и западе без конца и края протянулся необъятный горный хребет со снежными вершинами и каждый гребень напоминает внезапно замерзшую волну Океана, восставшего против небес.

И наконец, внизу, справа и слева от этого моря льда, — океан гор, постепенно переходящих в холмы с вершинами, покрытыми седым лишайником, пониже — красноватым вереском, темной зеленью елей, еще ниже — зелеными дубами, желтым пробковым дубом, а затем видишь деревья разных пород, сочетания всевозможных оттенков, в просветах коврами раскинулись поляны, заросшие земляничником, мастиковым деревом и миртами.

Ныне три дороги — одна из Мотриля, другая из Велес-Малаги, а третья из Малаги — пересекают снеговую сьерру и приводят вас с морских берегов в Гранаду, причем первая проходит через Хоену, вторая — через Алькаасин, последняя — через Кольменар.

Но в ту пору, когда начинается эта история, а именно в первые июньские дни 1519 года, дорог еще не было или, вернее, их только обозначили еле приметные тропинки, по которым шагали с дерзкой самоуверенностью *arrieros* ¹ да их мулы. Тропинки эти нечасто пробегали по ровной местности, а вились по ущельям и горным кручам, то взлетая вверх, то сбегая вниз, словно кто-то нарочно проложил их так, чтобы испытать стойкость путешественника. Порой узкая спираль тропы поднималась вокруг красноватой, горячей от зноя отвесной скалы, вздымавшейся как исполинский египетский пилон, и путешественник буквально повисал вместе со своим беспечным мулом над бездной, в которой тонул его обезумевший от ужаса взгляд. И чем круче был подъем, тем раскаленнее становились скалы и тем опаснее становился путь, и казалось, что человек вместе со своим мулом вот-вот сорвется с каменистой дорожки, ибо вереницы караванов, проходивших по ней, сгладили все неровности, и в конце концов она стала гладкой и скользкой, как мрамор.

Правда, миновав орлиное гнездо по названию Альгама, дорога становилась легче и по довольно отлогому склону, если странник направлялся в Гранаду из Малаги, спускалась в долину Хоены, зато тут на смену опасности, так сказать, физической, приходила другая, которая, оставаясь невидимой, тем не менее присутствовала в воображении. Опасность эта становилась реальной с того момента, когда по бокам дороги возникали густые, как бы предлагающие убежище заросли кустарника, а обе ее стороны оцетинивались крестами со зловещими надписями.

Кресты эти были воздвигнуты над могилами путников, убитых разбойниками, в те смутные времена обильно населявшими горный край Кордовы и Гранады — Сьерру-Морену и Сьерру-Неваду.

Надписи на крестах не оставляли никакого сомнения в том, какой смертью пали те, кто покоился под их сенью. Пересекая горные хребты три века спустя после тех путешественников, которые вскоре предстанут перед глазами наших читателей, мы видели кресты, подобные только что изображенным, и списали с навевающих уныние перекладин слова, весьма малоутешительные для тех, кто их читает:

ЗДЕСЬ
был убит путешественник.
Молите Господа за упокой его души.

или:

ЗДЕСЬ
были убиты отец и сын.
Они покоятся в одной могиле.
Да будет с ними милость Господня!

Но чаще всего встречается такая надпись:

Aquí mataron un hombre.

А это просто-напросто означает: «Здесь убит человек».

Своеобразный список убиенных тянулся на протяжении полутора-двух лье почти по всей долине, затем путники пересекали ручей, который, обогнув деревню Касин, впадает в Хениль, и оказывались в другой части горного края.

Тут сьерра была чуть ниже и, надо признаться, легче было преодолевать подъемы. Тропинка терялась в огромном сосновом бору, но зато позади оставались узкие ущелья и отвесные скалы. Вы словно попадали в более умеренный климат, и после перехода в полтора лье по извилистой горной тропе, затененной деревьями, перед вами открывались поистине райские места, куда вы и спускались по пологому склону, зеленый ковер которого пестрел желтыми душистыми цветами дрока и кустами земляничника с красными ягодами, внешне похожими на землянику, хотя их немного вяжущий вкус напоминает скорее банан.

Добравшись до этих мест, странник мог с облегчением вздохнуть, ибо, казалось, он избавился от двойной опасности: разбиться насмерть, скатившись в пропасть, или погибнуть от руки какого-нибудь разбойника, оказавшегося в скверном настроении.

И в самом деле, слева от дороги, приблизительно в четверти лье, виднелось убежище — небольшое белое здание со стенами, словно из мела, — не то постоялый двор, не то крепость.

Здание имело террасу с зубчатым парапетом, а его дубовые ворота с железными перекладинами были обиты гвоздями.

Над воротами висел поясной портрет какого-то человека: смуглое лицо, черная борода, тюрбан на голове и скипетр в руке.

Под портретом значилось: «Al rey того» ².

Хотя ничто не указывало, что мавританский король, под чьей защитой процветал постоянный двор, был последний властелин Гранады, тем не менее тот, кто не был совершенно чужд прекрасному искусству живописи, понял бы, что художник задумал изобразить сына Зорайи, Абу Абдаллаха, по прозванию аль-Закир; его-то Флориан и вывел под именем Боабдила, сделав одним из главных персонажей своей поэмы «Гонсальво из Кордовы».

По примеру путешественников, мы поспешили пустить лошадь галопом, торопясь добраться до постоянного двора, и поэтому, проезжая мимо, даже не потрудились взглянуть на одну особу, которая, несмотря на заметное с первого взгляда скромное общественное положение, заслуживает особого описания.

Правда, она притаилась под сенью старого дуба, в ущелье.

То была девушка шестнадцати-восемнадцати лет; по некоторым признакам она, казалось, принадлежала к какому-нибудь из мавританских племен, по другим же признакам она имела право занять место в большой европейской семье; быть может, в ней соединились две расы и она как бы являла собою промежуточное звено: в ней с удивительным своеобразием сочетались жгучая, чарующая обольстительность южанки и нежная пленительная красота невинной девушки-северянки. Ниспадавшие на плечи иссиня-черные волосы цвета воронова крыла обрамляли ее продолговатое, безупречно очерченное лицо, и было в нем что-то горделивое; огромные глаза, голубые, как подснежники; ресницы и брови такого же цвета, как волосы; кожа матовая, молочно-белая; губы свежие, будто вишни; зубы, краше жемчуга; шея лебединая, грациозная и изящная; руки, пожалуй, чуть длинноватые, зато безукоризненной формы; стан гибкий, словно лоза, что глядится в воды озера, или пальма, что покачивается в оазисе; хорошенькие босые ножки — таков был облик

незнакомки, на которую мы позволили себе обратить внимание читателя.

Наряд девушки не лишен был дикарской фантазии; голову украшал венок из пышных ветвей ипомеи, сорванных с живой изгороди уже описанного нами дома, темно-зеленые листья и пурпурные цветы чудесно сочетались с гагатовой чернотой волос. Шею ее украшала цепь из плоских колец, величиной с филиппдор, нанизанных тесным рядом и отбрасывавших рыжеватые блики, рдевшие, как отсветы пламени. Платье ее причудливого покроя, сшитое из той шелковой ткани в две полосы — одну белую, другую цветную, — какую в те времена ткали в Гранаде и еще в наше время выделывают в Алжире, Тунисе и Смирне. Стан ее охватывал севильский пояс с золотой бахромой: такой пояс и ныне носит изящный мажо ³, что с гитарой под плащом отправляется пропеть серенаду своей возлюбленной. Если бы пояс и платье были новыми, в глазах бы, пожалуй, рябило от резкого сочетания ярких красок — до них большие охотники арабы и испанцы, — но платье и пояс обтерлись, выцвели от долгой носки, так что наряд стал прелестен и в те времена пленил бы взор Тициана, а позже привел бы в восторг Паоло Веронезе.

Однако всего удивительнее было — впрочем, такую странность встретишь чаще всего в Испании, а в те времена особенно, — так вот, всего своеобразнее было несоответствие богатого наряда с будничным занятием девушки. Она пряла шерсть, сидя на большом камне у подножия одного из тех зловещих крестов, о которых мы уже говорили, в тени громадного зеленого дуба, спустив ножки в ручей, и искристая вода прикрывала их серебристой вуалью.

Поодаль по скалистым уступам скакала козочка, ощипывая горьковатый раkitник, если говорить словами Вергилия, это неугомонное, бесстрашное существо — обычное достояние неимущего.

Незнакомка вращала прялку левой рукой, вытягивая нить правой, поглядывала на свои ножки, вокруг которых струилась и журчала вода, и напевала вполголоса какую-то народную песенку; эта песенка, пожалуй, не выражала мыслей девушки, а скорее вторила внутреннему

голосу, шептавшему о чем-то в глубине ее сердца, неслышно для других.

Время от времени певунья, умолкнув и прекратив работать, окликала козочку; нет, она не подзывала ее, а словно хотела дружески подбодрить, произнося слово «маса», что по-арабски означает «коза»; всякий раз козочка, услышав это слово, строптиво трясла головой, отчего звенел ее серебряный колокольчик, и продолжала щипать траву.

Вот слова, которые напевала девушка с прялкой, слова песенки тягучей и монотонной; ее мотив с давних пор сохранился и в долинах Танжера, и в горах Кабилии.

Заметим, что это был романсеро, известный в Испании под названием «Песнь короля дона Фернандо».

О возлюбленная Гранада,
Восхищенных очей отрада,
Стань, Гранада, моей женой!
И прими от моих Кастилий
В дар три крепости в полной силе
И три города, что застыли
В пене каменной кружевной.
Ты пошарь своей ручкой узкой
В той шкатулочке андалусской,
Что мне Господом вручена.
Выбирай все, что сердцу мило!
Коль Хиральда тебя пленила —
У Севильи, что мне постыла,
Будет отнята вмиг она.
И пускай возропщет Севилья,
И пускай возропщет Кастилья,
Ты тревожиться не изволь.
Услужить тебе сердце радо,
Мне нужна лишь одна награда —
Мне ворота открой, Гранада, —
Дон Фернандо я, твой король.

Тут она подняла голову, собираясь окликнуть козочку, но, едва произнесла слово «маса», осеклась: взгляд ее остановился на повороте дороги, идущей из Альгамы.

Вдали появился молодой человек, мчавшийся галопом на андалусском коне по горному склону, иссеченному широкими полосами света и тени, в зависимости от того, густо или редко росли там деревья.

Девушка посмотрела на него и снова принялась за работу, но, продолжая пряхть, почему-то стала рассеянной (похоже было, что, перестав смотреть на всадника, она прислушивается к стуку копыт, раздававшемуся все ближе) и запела четвертый куплет песни, представляющий собою ответ Гранады королю дону Фернандо:

Дон Фернандо, и я не скрою,
Что люблю тебя всей душою,
Но с учтивостью незнаком,
Мавр меня как рабыню держит,
Лишь цепями меня он нежит,
Лишь во сне мне свобода брезжит —
Видно, век мне жить под замком! ⁴

¹ Погонщики мулов (*исп.*).

² «У мавританского короля» (*исп.*).

³ Щеголь (*исп.*).

⁴ Перевод М. Ваксмахера.

II

El correo del amor ⁵

Когда девушка пела последний куплет, всадник был уже так близко, что она могла, подняв голову, разглядеть и его костюм, и его лицо.

Это был красивый молодой человек лет двадцати пяти-двадцати шести, в широкополой шляпе с изогнутым огненно-красным пером, реявшим в плавном полете.

Поля шляпы отбрасывали тень на лицо, и в полусвете сверкали черные глаза: очевидно, они легко могли вспыхнуть и пламенем гнева, и пламенем любви. Нос у него был прямой, точеный, усы чуть подкручены кверху, и между ними и бородкой поблескивали великолепные зубы, белые и острые, как у шакала.

Несмотря на жару, а пожалуй, именно из-за жары он был в кордовском плаще-накидке, которая кроится на манер американского пончо с вырезом посредине и надевается через голову. Она прикрывала всадника от плеч до голенищ сапог. Накидка эта была из шерстяной ткани того же огненно-красного цвета, что и перо на шляпе; расшитая золотом по краям и вокруг выреза, она скрывала наряд, который, судя по тому немногому, что можно было увидеть, то есть по манжетам на рукавах и лентам на дорожной сумке, должен был отличаться необыкновенным изяществом.

Ну а конь (всадник искусно управлял им), великолепный скакун лет пяти-шести, с могучей шеей, развевающейся гривой, широкой спиной, хвостом до земли, был той редкостной масти, которую последняя королева Кастилии Изабелла недавно ввела в моду. Кстати, просто непостижимо, как в азарте, охватившем всадника и лошадь, им удалось промчаться по тем крутым тропинкам, что мы попытались описать, где они добрых десять раз могли рухнуть в пропасти Алькаасина или Альгамы.

Испанская поговорка гласит: «У пьяных есть свой бог, у влюбленных — своя богиня».

На пьяного наш всадник похож не был, зато, надо признаться, как две капли воды походил на влюбленного.

И это сходство становилось неоспоримым оттого, что он даже не взглянул на девушку и, вероятно, не заметил ее, ибо перед взором его стояло видение, оставшееся позади, и сердце его было далеко отсюда; он стрелой пролетел мимо девушки, перед которой, безусловно, даже король дон Карлос, такой благоразумный и сдержанный, хотя и было ему всего девятнадцать лет, пожалуй, остановился бы: так она была хороша собою в тот миг, когда, вскинув голову и посмотрев на гордеца, прошептала:

— Бедный юноша!.. Какая жалость!

Почему девушка с прялкой жалела его? На какую опасность — в настоящем или в будущем — она намекала?

Быть может, мы об этом узнаем, если последуем за изящным кабальеро до харчевни «У мавританского короля».

Чтобы добраться до нее — а он, видно, спешил туда, — ему предстояло преодолеть еще два-три небольших ущелья, похожих на то, где находилась девушка, мимо которой он проехал, не увидев ее или, вернее, не обратив на нее внимания. Дорога шла узкими долинами шириной не более восьми-десяти футов, прорезая густые заросли миртовых кустов, мастикового дерева и земляничника; то там, то здесь возвышались два, а иногда и три креста: видимо, близость харчевни отнюдь не предохраняла путешественников от удела настолько обычного, что у тех, кто проезжал по этим дорогам, где уже погибло столько странников, сердце, вероятно, было защищено тройной стальной броней, о которой говорит Гораций, вспоминая первого мореплавателя. Приближаясь к этим зловещим местам, всадник удовлетворился лишь тем, что движением скорее машинальным, чем тревожным проверил, по-прежнему ли висит шпага на его боку, а пистолеты — на луке седла, и, удостоверившись, что все в порядке, продолжал мчаться с тем же спокойным выражением лица, тем же аллюром по гиблым этим местам или, как говорят в тех краях, *el malo sitio*.

Взлетев на перевал, он поднялся на стремянах и стал искать взглядом харчевню; затем, увидев ее, дважды прищпорил лошадь, и она, словно горя желанием угодить всаднику и став от этого неуютимой, ринулась

в узкую долину, напоминая послушливую лодку, что, взлетев на гребень волны, вновь несется вниз в пучину.

То, что путешественник мало внимания обращал на дорогу, по которой он мчался, и то, что его явно обуревало желание поскорее добраться до постоянного двора, имело два последствия.

Во-первых, он не заметил людей, притаившихся в засаде по обеим сторонам дороги и зарослях кустарника на протяжении по меньшей мере четверти лье; было их человек десять, и они, как охотники на облаве, растянулись на земле и старательно следили, чтобы не потухли фитили эскопет, лежавших рядом. Заслышав топот копыт, эти люди-невидимки подняли головы; потом, упираясь коленом левой ноги и рукой о землю, схватили правой рукой дымящиеся эскопеты и приложили приклады к плечу.

Во-вторых, видя, как стремительно мчится всадник на своем неутомимом коне, сидевшие в засаде сообразили, что его, без сомнения, поджидают в харчевне, что он туда завернет, и, следовательно, поднимать стрельбу на проезжей дороге и выдавать себя незачем; можно спугнуть какой-нибудь большой караван, а он обещал кусочек пожирнее, чем та добыча, какую захватишь, ограбив одинокого путника, пусть даже богача и щеголя.

Люди, притаившиеся в засаде, и были поставщиками обитателей могил, над которыми, как подобает добрым христианам, они возводили кресты, предав земле путешественников, неосмотрительно попытавшихся с риском для жизни защитить свои кошельки, когда эти достойные salteadores ⁶ с эскопетами в руках встречали их сакраментальной фразой, что почти одинаково звучит на всех языках и у всех народов: «Кошелек или жизнь!»

Должно быть, девушка знала об этой опасности и подумала о ней, когда, глядя на красавца-всадника, проскакавшего мимо нее, невольно обронила со вздохом:

— Какая жалость!

Но мы уже видели, что разбойники в засаде — по той или иной причине — ничем не выдали своего присутствия.

Однако ж, подобно охотникам на облаве, с которыми мы их сравнили и которые снимаются с места, когда дичь уходит, они высунули головы

из-за кустов, затем выбрались из зарослей, вышли на дорогу и зашагали вслед за путешественником к харчевне: конь и всадник уже влетели во двор ее.

Во дворе его встретил *mozuelo* **7** и с готовностью схватил лошадь под уздцы.

— Меру ячменя коню! Мне — стакан хересу. А для тех, кто скоро будет здесь, — обед. Да получше!

Не успел путешественник произнести эти слова, как в окне показался *hostelero* **8**, а в воротах появились разбойники из засады.

Разбойники и хозяин обменялись понимающим взглядом, они словно спрашивали: «Выходит, мы хорошо сделали, что не остановили его?» А он, должно быть, отвечал: «Отлично!»

Всадник тем временем стряхивал пыль с плаща и сапог и до того был этим занят, что даже не заметил, как эти люди переглядываются.

— Входите же, любезный кабальеро, — сказал хозяин. — Хоть постоялый двор «У мавританского короля» и затерялся среди гор, но, благодарение Богу, мы не бедствуем. Кладовая полна дичи, нет только зайца, ведь это нечистое животное. На огне у нас олья-подрида, и со вчерашнего дня готовится гаспачо, ну а если угодно, подождите — один из наших приятелей, превосходный охотник на крупного зверя, сейчас гонится за медведем: повадился косолапый лакомиться моим ячменем и спускается за ним с горы. Так что скоро мы сможем попотчевать вас свежей медвежатиной.

— Ждать твоего охотника некогда, хоть предложение и заманчиво.

— Воля ваша, а я уж постараюсь вам услужить, любезный кабальеро.

— Вот и славно. Хоть я и уверен, что сеньора, чьим гонцом я вызвался быть, настоящая богиня и вкушает лишь аромат цветов, а пьет лишь утреннюю росу, но все же приготовь самые отменные кушанья и покажи комнату, где думаешь ее принять.

Хозяин распахнул дверь в большую комнату, побеленную известкой, с белыми занавесками на окнах и дубовыми столами, и сказал:

— Здесь.

— Хорошо, — промолвил приезжий. — Подай-ка мне стакан хересу да узнай, дали ли меру ячменя моему коню. И срежь в саду самые лучшие цветы для букета.

— Слушаюсь, — ответил хозяин. — А сколько приборов ставить?

— Два, для отца и для дочери. Люди, услужив господам, поедят на кухне; накормите их получше.

— Будьте спокойны, любезный кабальеро. Когда гость говорит как вы, можно быть уверенным, что ему будут служить быстро и хорошо.

И хозяин, словно торопясь подтвердить сказанное, вышел из комнаты и крикнул:

— Эй, Хиль, два прибора! Перес, ячмень коню задали? Амапола, мигом в сад за цветами!

— Превосходно, — с довольной улыбкой промолвил всадник. — Теперь мой черед.

Он снял с цепочки, висевшей на шее, золотой медальон величиной с голубиное яйцо, покрытый ажурной резьбой, открыл его, положил на стол, принес из первой комнаты горящий уголек, поместил в золотую коробочку и присыпал щепоткой порошка — и тотчас же по комнате развеялся дым, наполнив ее тем нежным и стойким ароматом, что ласкает ваше обоняние, когда вы входите в спальню арабской женщины.

Тут появился хозяин, держа в одной руке тарелку со стаканом хереса, а в другой — только что откупоренную бутылку; следом за ним шел Хиль, неся скатерть, салфетки и стопку тарелок; позади Хиля выступала Амапола с огромной охапкой пламенеющих цветов — во Франции они не растут, но в Андалусии так обычны, что я даже не сумел узнать их названия.

— Выберите самые лучшие, — сказал девушке приезжий. — А остальные дайте мне.

Амапола взяла самые красивые цветы и, показывая букет, спросила:

— Так хорошо?

— Превосходно, — ответил тот, — перевяжите его.

Девушка поискала глазами веревку, бечевку, шнурок.

Но приезжий выхватил из кармана ленту, отливавшую золотом и пурпуром, как видно заранее припасенную для букета, и отсек кинжалом кусок.

Он передал ленту Амаполе; она перевязала букет и положила его по указанию молодого человека на одну из тарелок, которые Хиль только что расставил на большом столе.

А приезжий собственноручно разложил остальные цветы на полу от двери, выходящей во двор, до стола, так что образовалась пестрая дорожка наподобие тех, что устраивают к святому причастию в праздник Тела Господня.

Затем он позвал хозяина харчевни и сказал ему:

— Приятель, вот филиппдор за то, что я ввел тебя в расход.

Хозяин отвесил поклон.

— Ну а теперь, — продолжал молодой кабальеро, — если дон Иньиго Веласко де Гаро спросит тебя, кто заказал для него обед, скажешь, что приезжий, чье имя тебе неизвестно. Если донья Флор спросит тебя, кто сделал для нее дорожку из цветов, кто преподносит ей букет, кто курил благовония, ответишь ей, что все это сделал гонец любви дон Рамиро де Авила.

И, вскочив на своего прекрасного коня, которого держал под уздцы *mozuelo*, он вихрем вылетел со двора таверны и галопом продолжил путь по направлению к Гранаде.

[5](#) Гонец любви (*исп.*).

[6](#) Грабители (*исп.*).

[7](#) Подросток (*исп.*).

[8](#) Хозяин харчевни (*исп.*).

III

Дон Иньиго Веласко де Гаро

Красавица, пасущая козочку, оставалась в глубине одного из ущелий, уже упомянутых нами, и не могла видеть, как молодой всадник попал на постоянный двор, как выехал оттуда, зато она, казалось, настороженно прислушивалась и все ждала, не донесутся ли до нее какие-нибудь звуки, не удастся ли угадать по ним, что же там происходит, и не раз устремляла ввысь недоуменный взгляд своих прелестных глаз, будто удивляясь, почему появление такого нарядного и богатого дворянина обошлось без бурных происшествий.

Разумеется, не слыша здесь, за пригорком, разговора путешественника с хозяином таверны, она даже не догадывалась, из-за каких сугубо эгоистических замыслов завсегдатаев таверны поклоннику прекрасной доньи Флор суждено было остаться целым и невредимым.

Надо сказать, что в тот миг, когда дон Рамиро де Авила, отдав все распоряжения и подготовив таверну «У мавританского короля» к достойной встрече дона Иньиго Веласко и его дочери, стремглав выехал за ворота и помчался по дороге в Гранаду, перед взором юной цыганки возник авангард отряда, прибытие которого было возвещено щеголем-квартирмейстером.

Отряд этот состоял из трех частей, отличных друг от друга.

Первая, авангард, как мы сказали выше, уже вырисовывалась на западном склоне невысокой горы и была представлена одним-единственным человеком — слугой дона Иньиго Веласко, подобного сицилийским *campieri*⁹ — слугам в мирное время и воинам в часы опасности; одет он был то ли в ливрею, то ли в мундир, сбоку прикрыт длинным щитом и держал прямо, как копье, прикладом к колену, аркебузу с горящим фитилем, что не оставляло сомнения: отряд даст отпор, если на него нападут.

Главное звено отряда, старик лет шестидесяти-шестидесяти пяти и девушка лет шестнадцати-восемнадцати, двигалось шагах в тридцати позади авангарда.

Замыкал цепочку арьергард, который двигался на таком же расстоянии от них, что и верховой, указывавший дорогу; в него входили двое слуг со щитом на боку, вооруженные дымящимися аркебузами.

Итак, всего двое господ и трое слуг.

В нашем повествовании слугам уготовано весьма скромное место, зато главные роли суждено играть их господам, поэтому да будет нам позволено обойти молчанием господ Нуньеса, Камачо и Торрибио, чтобы уделить особое внимание дону Иньиго Веласко де Гаро и его дочери, донье Флор.

Дон Иньиго Веласко, как мы уже говорили, был старик шестидесяти-шестидесяти пяти лет, хотя слово «старик» вряд ли подходит человеку пусть и преклонных лет, но моложавому.

В самом деле, и борода, едва тронутая сединой, и длинные волосы во вкусе Филиппа Красивого и Фердинанда Католика, чуть посеребренные инеем, подходили человеку пятидесяти-пятидесяти пяти лет, не больше.

Однако ж, на свою беду, как и все те, у кого была достославная молодость, он не мог скрыть своего возраста, ибо часто, в разные времена, оставлял глубокий след в истории своей страны. В тридцать лет дон Иньиго Веласко, носивший одну из знаменитейших фамилий, наследник одной из богатейших семей Кастилии, воспылал страстью к приключениям, поскольку полюбил девушку, на которой не мог жениться, ибо отец доньи Мерседес де Мендо (так звали эту королеву красоты) был врагом его отца и оба поклялись в вечной ненависти; итак, повторяем, в тридцать лет дон Иньиго Веласко, — а наставником его был отец Марчена, то есть один из первых священников, кто, рискуя пойти наперекор Священному писанию, согласился с предположением Христофора Колумба о том, что земля круглая, — итак, дон Иньиго тоже пришел к этой мысли и скорее от отчаяния, нежели из убежденности стал последователем теории генуэзского мореплавателя, содействуя его замыслам.

Известно, сколько довелось выстрадать при дворе католических королей этому мученику, этому гению, кого даже самые незлобивые советники Изабеллы и Фердинанда считали мечтателем и безумцем; после того как он не добился успеха у себя на родине — в Генуе, где поведал всем о своем замысле: направившись на запад, достигнуть империи Китай, упомянутой его предшественником Марко Поло; после того как Жуан II, прогнав Колумба, втайне и предательски повелел одному лоцману попытаться осуществить план экспедиции, которую во всеуслышание называли бессмысленным предприятием, Колумб предстал перед королем Арагона Фердинандом и королевой Кастилии Изабеллой, пообещав обогатить Испанию, одарив ее не городом, не провинцией, не королевством, а целым миром!

Восемь лет прошли в тщетных хлопотах и ходатайствах. На счастье прославленного генуэзца — а мы уже не раз философствовали на столь плодотворную тему о малых причинах и великих последствиях, — так вот, на счастье прославленного генуэзца, по воле Провидения, в ту пору, когда он, Христофор Колумб, намеревался пуститься в путешествие, в ту пору, когда владычество халифов в Испании пало вместе со своим последним оплотом, племянник одной из самых близких подруг королевы до безумия влюбился в девушку, но у него не было никакой надежды жениться на ней.

Мы нижайше просим прощения у любви за то, что отнесли ее к числу малых причин.

Так или иначе, причина эта, будь она малой или большой, породила огромные последствия.

Мы назвали причину; скажем о последствиях.

Имя племянника нам уже известно — дон Иньиго Веласко, граф де Гаро.

Имя его тетки — Беатриса, маркиза де Мойя.

Итак, самой любимой подругой, самой близкой поверенной королевы была маркиза де Мойя. Пока отмечаем это обстоятельство для памяти, чтобы возвратиться к нему немного позже.

Веласко решил покончить счеты с жизнью и мог бы десять раз быть убитым, если бы смерть, отступающая перед всеми решившимися на смерть сердцами, не отступила перед ним. В битвах, которые католические короли вели против мавров, он постоянно сражался в

первых шеренгах: он был среди тех, кто брал приступом крепости Ильору и Моклин — эти укрепления царственного города были так важны, что их называли глазами Гранады; участвовал в осаде Велеса, когда zagal¹⁰ Абдаллах попытался снять осаду с этого города и его войска были отброшены с огромными потерями; он участвовал в захвате Хибральфаро, когда город Ибрагима был захвачен в бою и разграблен; был он, наконец, под стенами столицы Боабдила, когда, как говорят испанцы, съев гранат зернышко за зернышком, — другими словами, завоевав королевство город за городом, — католические короли обложили войсками старый город, возвели вокруг него новый с домами, церквями, крепостными укреплениями и назвали его Санта-Фе в знак того, что они выполняют обет и не снимут осады, пока Гранада не сдастся.

Гранада сдалась 25 ноября 1491 года — в 897 году хиджры, 22 дня месяца мухаррама по лунному календарю.

Для Колумба, выжидавшего целых восемь лет, наступило время действовать; король Фердинанд и королева Изабелла только что завершили дело, начатое Пелайо семь веков тому назад: они расправились с неверными в Испании.

И Колумб предложил снарядить экспедицию, заявив, что главная ее цель — обращение неверных некоего нового света.

А чтобы достичь этой цели, он просил дать в его распоряжение всего две каравеллы, экипаж в сто человек и три тысячи крон.

Говорил он не только о цели религиозной, но и о материальных благах, какие принесет экспедиция, о неисчислимых золотых россыпях, бесценных алмазных копиях.

Что же мешало алчному Фердинанду и благочестивой Изабелле попытать счастья в предприятии, которое и с мирской, и с духовной точки зрения — если допустить существование этого неведомого мира — во всех отношениях задумано было удачно?

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ